

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. Н. КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)»

ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

*Единое пространство традиционной
культуры и искусства*

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Москва • 2025

Рецензенты:

Сорокина С. П. — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Запека О. А. — кандидат философских наук, доцент,
РГУ им. А. Н. Косыгина

М43 Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках: Единое пространство традиционной культуры и искусства: Коллективная монография / Сост.: Г. В. Варакина, В. Е. Добровольская, С. И. Михайлова под общей редакцией Г. В. Варакиной. — М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина», 2025. 464 с.

В основе коллективной монографии лежат материалы Второй международной конференции «Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках: единое пространство традиционной культуры и искусств», которую 17–18 апреля 2024 г. провела кафедра Общего и славянского искусствознания Института славянской культуры РГУ им. А. Н. Косыгина. Авторы монографии рассмотрели вопросы культуры и искусства в широком полидисциплинарном пространстве. Представители разных научных специальностей обратились к проблемам взаимодействия различных дисциплин в гуманитарных науках и созданию общего поля исследований для гуманитарных дисциплин.

Книга предназначена для искусствоведов, культурологов, филологов, фольклористов, культурных антропологов, музыковедов, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных направлений, занимающихся междисциплинарными исследованиями.

ISBN 978-5-00181-732-1

- © Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2025
- © Коллектив авторов, 2025
- © Ульверт А. В., дизайн, верстка, 2025

Ё. Куманоя-Накагава Верхнетоемская частушечная традиция в записях японско-русских экспедиций 1995–2019 гг.	196
--	-----

Раздел четвертый

СКАЗКА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С. В. Алпатов Локальные и международные факторы авторской интерпретации сказочного канона XVII в.	206
В. Е. Добровольская Источники влияния на сюжетный корпус русских фольклорных сказок: от жития к кинематографу	213
А. С. Лызлова Зарубежные народные и литературные сказки в репертуаре сказочников Карелии XX в.	230
В. А. Стаценко Синтез фольклорных и литературных начал в сказках Н. П. Вагнера	247
Н. С. Коровина Личность сказочника в традиционной культуре народа коми	255

Раздел пятый

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ИННОВАЦИЕЙ

С. А. Маленко, А. Г. Некита Мир после власти: диалектика постапокалиптических иерархий в оптике массового американского кинематографа	270
С. А. Маленко, А. Г. Некита Личные трагедии на обломках цивилизации: художественный опыт постапокалиптической рефлексии	292
И. А. Сюзюмов, А. Г. Некита, С. А. Маленко Голливудские антиутопии: гимн евгенике или пророческое предупреждение об опасности экспериментов тоталитарной власти в отношении человека и общества?	312

С. В. Алпатов

ЛОКАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФАКТОРЫ АВТОРСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СКАЗОЧНОГО КАНОНА XVII в.

Одним из ключевых аспектов актуальной фольклористической проблематики исследований взаимного влияния народной сказочной традиции Нового времени и авторского творчества в жанре сказки [Абашева, Зырянова 2019; Добровольская 2023; Коровина 2024] является фактор конкуренции локального и международного культурного контекста конкретного произведения при порождении его нарратором, а также при интерпретации его аудитории [Алпатов, Лицарева 2023]. В этом плане «Повесть о португальском посольстве», известная по трем спискам XVIII в., восходящим к общему протографу второй половины XVII в. [Малэк 1988], выступает типичным образцом русской беллетристики переходной эпохи [Ромодановская 1994, 149–164] с очевидными отечественными и европейскими корнями, но так и не определенным до конца генезисом, идейным замыслом и жанром [Picchio 1999].

С одной стороны, В. Андерсон, уверенно выделяя в качестве одной из сюжетных доминант «Повести» комплекс европейских анекдотических мотивов (ATU 924 Discussion in Sign Language; ATU 1920 Contest in lying; ATU 1960 A, D Great Ox, Great Vegetable), затруднялся тем не менее объяснить жанровые установки создателя текста и композиционную структуру целого, поскольку отправной эпизод «прения жёстами» искусственно продолжен сценой обмена словесными загадками: «Аще кий царь или краль восхощет дщери моея в жену, той да пришлетъ премудра человека, да немому добръ ответъ дастъ, *потомъ и иная отвещаетъ*» [БЛДР 2006, 428], а затем состязанием в застольном бахвальстве: «И глагола ему король: „Мне же точию мнится, яко всяко ныне настойтъ ми время, еже прежде глаголанное свое исполнити слово, — еже дщерь свою тому обещалъ дати в жену к тому, бы могль немому ответ дати. И се ныне то збытся“. Рече ему мудрецъ: „Державный королю, потерпи мало! Все твое слово на иномъ некоемъ исполнится. Веждь, яко отныне в малыхъ словесех онъ мною препренъ будетъ и уничиженъ, точию повели ми его в свой домъ часто призывати на обедъ, да тамо о всякихъ вещехъ и делехъ беседа с нимъ, возмогу препрети его и уничижити“» [БЛДР 2006, 434].

С другой стороны, не достигли своей цели попытки П. Н. Шеффера, В. В. Сиповского, В. П. Адриановой-Перетц и ряда других ученых соотнести

базовую сюжетную коллизию диспута двух мудрецов [Алпатов 2015] с каким-либо конкретным текстом, принадлежащим к традиции средневековой вопросо-ответной литературы: «Параллельное бытование различных вариантов в одно время и в рамках одного культурно-языкового пространства затрудняет ответ на вопрос о конечном источнике сюжета. <...> При этом нужно, как всегда, учитывать не только не дошедшие до нас варианты, но и, поскольку мы имеем дело с сюжетом в авторской передаче, вопрос о том, насколько каждый автор адаптировал этот, известный ему из того или иного источника, сюжет к собственным целям и являются ли отличия от прочих вариантов в каждом отдельном случае свидетельством существования особого источника (или устной традиции?) или же авторскими изменениями» [Иванов 2016, 348].

В свою очередь, выдвигаемая в качестве обоснования русского генезиса «Повести» загадка об украшенных заглавных буквах, используемых преимущественно на Руси [Малэк 1988, 13–14], как кажется, выдает в ее нарраторе человека несобственно российского происхождения, подающего данный артефакт как редкий для современной ему европейской культуры экзотизм: «Португальской некаку харатийцу возьмь и в руку свою держа, заваду себе творя, и абие вопросы: „Что есть — ни небо, ни земля, а видомъ же светъла. На томъ садятся птицы черныя; главы у нихъ червленныя тыхъ птицъ три назидаютъ, два назираютъ, единъ повелеваетъ. И от тыхъ птицъ многи спасени и от королей в чести бывають, неция же погибають?“ Брандебурской: „Ни небо, ни земля, ни ина кая тварь видомъ бела с черными птицами и с назиратели и с протчими твоими сказании во многихъ государствахъ и королевствахъ обретается. И мнить ми ся велми нечто мало есть, идеже быти того не было, но аще инде того и по малу, но обаче везде есть. Червленныя же главы не везде обретаются, но точию в Росии — тамо бо ихъ велми любятъ и зело любители к сказанию птицъ техъ паче многихъ языкъ, но своимъ точию любомудрствомъ не толико же друкомъ“» [БЛДР 2006, 439–440].

Среди не отмеченных ранее фольклорных источников «Повести» следует указать сюжет ATU 516 Faithful John с инициальным мотивом добывания портрета заморской красавицы: «Краль брандебурский призва к себе разумных купецъ своея земли и повеле имъ ехати в Португальскую землю и заповеда имъ, да не на лице кравельны португальской видевшие, знатнымъ или истиннымъ слышаниемъ от видящихъ ю, напишутъ, да не точию написану доброту ея видеть. Купцы же, бывше да ти в Португалии, королевского же повелениемъ же, уведати и португальской королевны видети не возмогоша, и возвратишася ко кралю своему безделныи» [БЛДР 2006, 428]. В качестве близкой параллели укажем зачин севернорусской сказки «Иван Бессмертный»: «Стоял цасовой на посту. Шли мимо два генерала. Один говорит: „Я и красивый, я и ученый, а никак московску красавицу поглядеть не могу“. А другой говорит: „Я всех богаче, три года бьюсь, а не могу ее личности увидеть, она все в корете ездит, фатой закрывается“. А солдат говорит: „Вот сиволаны, да я при таких капиталах с ней бы и ночь переспал“» [Карнаухова 2006, 265–266].

Отмеченные выше композиционные аномалии — немотивированное утrocение уже пройденных испытаний и скомканное завершение брачной коллизии: «Абие, сего ради пирога и мудрых ради ответов, брандебургскаго мудреца велми почтил честию великою и пьремнымъ богатством. И пусти его ко своему государю, и повеле ему сказати, да уготовить сына своего ко браку. И вда дшерь свою, и бысть между ими велия любовь во много летъ. Конечъ истории» [БЛДР 2006, 443] — знаменуют переключение внимания автора «Повести» и его аудитории с функции решения «трудных задач» на функцию состязания в остроумии. Одновременно сказочный мотив путешествия в условное тридцатое царство трансформируется в новеллистический мотив брачного посольства из Бранденбурга в Португалию. Маркерами данного процесса выступают регулярные ремарки нарратора, касающиеся дипломатического этикета: «по обычаю тоя земли приемлется и по достоинию в посолская жилища устрояется», «во единой от королевских полатъ, единому прямо другаго, по обычаю, мало подале ставшу» [БЛДР 2006, 429]. Всё это позволяет выдвинуть гипотезу о связи «Повести» с профессиональной средой Посольского приказа, сотрудники которого регулярно демонстрировали фольклорные компетенции в своей вернакулярной коммуникации [Николаев 1987].

Речь идет не только о практике рассказывания небылиц зарубежным коллегам «на полях» дипломатических саммитов: «Посол московский Димитрий, отличающийся веселым и остроумным характером, рассказывал при громком смехе всех присутствующих, что в недавнее время один поселянин, живший по соседству с ним, прыгнул сверху для отыскания меда в очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь...» [Новиков 1971, 40], но и ситуациях застольных ученых прений, подобных стязанию Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Паисия Лигарида с новоприбывшим Николаем Спафарием в Москве в 1671 г.: «Прежде трапезы абие внегда прииде Николай в дом беседе и сед во одежде теплой согрeяся зело, того ради совлекая ю с себе рече: „Движение творит теплоту“. Симеон: „Не во всех“, — рече. Николай рече: „Се древо и железо движением не точию согревается, но и огонь изводят“. Симеон рече: „Не самым движением, но сопритрением единого ко другому. Сия же суть от четырех стихий. Того ради имут огонь в себе“. Николай рече: „Вскую железо хладно, аще имать огонь в себе?“ Симеон рече отвеща: „Яко в нем стихия хладная преобладает“. И приложи Симеон вопросити Николая: „Рцы ми, како огонь в железе содержится?“ Отвеща Николай: „Самым делом“. Рече Симеон: „Аше самым делом огонь в железе содержится, но нож сей, лежащий на убрусе, сожжет и“. На се неведе Николай, что ответовати» [Голубев 1971, 298].

Лично пережитая Спафарием коллизия испытания «новичка»/«простеца» опытными коллегами — книжниками и дипломатами, побуждает пристальнее взглянуть на его личность в качестве возможного автора-компилятора (термин Р. Пиккио) «Повести о португальском посольстве».

Прежде всего, укажем на компилятивный характер сочинений Спафария как в плане генезиса (максимальное число разнородных источников), так и в плане жанра (сводо-энциклопедии, арифмологии), приемов композиции и коллективного авторства целого: «а слагал те книги и сбирал из различных книг Посолскаго приказу еллино-греческаго языка переводчик Николай Спафарий да подьячей Петр Долгово» [Спафарий 1978, 5]. Не менее значим профессиональный интерес Спафария к текстам герменевтической и прогностической тематики типа «Книги о сивиллах» и «Книги иероглифической» [Белоброва 2005, 179–238; Ченцова 2019]. Наконец, в качестве аргументов биографического характера, помимо частного факта путешествия Спафария в Бранденбург в 1664 г., отметим травмирующий опыт посольства в Китай в 1675–1678 гг., где русскому посланнику надлежало не только коммуницировать с носителями ранее неизвестной ему и построенной на иных концептуальных основаниях культуры, но и совершать несвойственные европейскому этикету жестовые ритуалы («котоу») [Урсул 1980, 49–53].

Помимо перечисленных выше аргументов, укажем на еще одну текстологическую *улику*, обнаруживающую широкий европейский авантекст анализируемой нами «Повести»: «В Пуртугалской земли былъ краль, имея у себя дщерь чюдне доброты, велми прекрасну и прелепу лицомъ, премудру и умомъ и разумомъ, предупревающу во всехъ девахъ. Ея же нарицаху — *вторая премудрая Никастрата*» [БЛДР 2006, 428].

Образ Никостраты, матери Эвандра, изобретательницы латинского алфавита, был общим местом популярных средневековых трактатов «Этимологии» (620) Исихора Севильского, «О знаменитых женах» (1361) Джованни Боккаччо, «Книги о граде женском» (1405) Кристины Пизанской, «Жемчужины философии» (1503) Грегора Рейша, а также массовых печатных изданий XVII в. типа «*Spiegel der sibyllen*» (1685), где Никострата-Кармента входит в дополнительный регистр «*Seven andere sibyllen*» [Alberto 2012; Jonge 2016]. Отдельная линия, восходящая к «Аттическим ночам» (140) Авла Геллия и тиражируемая многократными переизданиями «Пословиц» (1500) Эразма Роттердамского, представляет Никострату-Карменту как вещую жену, в песнях изрекающую темные пророчества, на чем и основано переносное значение паремии «говорить с матерью Эвандра» — говорить архаичным языком/пользоваться устаревшим стилем.

Любопытно, что в своей «Книге о сивиллах» (1672) Спафарий контаминирует образы сивиллы Киммерийской и пророчицы Карменты: «О сей сивилле Климент Александрийский в книзе первой „Стромат“ своих пишет, яко обита во Римской горе именем Кармал. И сын ея бысть Евандр, иже храм богу Пану созда, иже и Луперкалион именуется» [Спафарий 1978, 154].

В свою очередь, употребленное автором «Повести о португальском посольстве» выражение «вторая премудрая Никастрата» звучит калькой с романского топоса *segunda Niostrata*, использованного, в частности, Лопе де Вега в 19-й песне «Завоеванного Иерусалима» (1609) применительно к образу ученой испанской дамы Beatriz Galindo, La Latina (1465–1534):

Su querida *Beatriz*, su prenda amada,
por segunda *Nicostrata* tenida,
célebre vivirá de gente en gente,
con nombre de *Latina* eternamente [Ordóñez 2020, 80].

Во времена самого Спафария на роль «второй Никостраты» могла претендовать португальская инфанта Изабела Луиза (1669–1690), высокообразованная наследница престола, имевшая 17 женихов, но так и не вышедшая замуж, за что и получила свое прозвище *Sempre noiva* — «Вечная невеста» [Marcos 2014].

Таким образом, «Повесть о португальском посольстве» может быть не только вписана в круг древнерусских посольских повестей типа «Повести о Василии Златовласом» [БЛДР 2006, 341–357], перерабатывающих сказочную коллизию о добывании мнимым простецом неприступной/«немой»/«вещей» невесты в новеллу об эффективном агенте новоевропейской брачной дипломатии, соединяющим узами королевские дома на двух концах континента [Алпатов 2017], но и ассоциирована с европейской топикой «мудрых жен» — царственных особ, пророчиц и изобретательниц алфавитов. В этой связи гипотеза о Николае Спафарии как авторе «Повести» хотя и далека от окончательного и исчерпывающего обоснования, однако может послужить фундаментом дальнейших историко-филологических разысканий в области фольклорно-литературных взаимодействий в России раннего Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашева, Зырянова 2019 — Абашева, М. П., Зырянова, А. И. Литературная сказка в исторической и методологической перспективе // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2019. Т. 29. № 2. С. 246–254.
- Алпатов 2015 — Алпатов, С. В. Мотив владения «астрологической премудростью» в русской книжности и фольклоре XVII–XX вв. // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия, 2015: Число — счет — нумерология в славянской и еврейской культурной традиции. С. 66–78.
- Алпатов 2017 — Алпатов, С. В. Европейская брачная дипломатия XVIII века в зеркале русской рукописной и фольклорной традиции // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М.: Институт российской истории РАН, 2017. Т. 8. С. 43–54.
- Алпатов, Лицарева 2023 — Алпатов, С. В., Лицарева, А. Ф. Методологические аспекты современных исследований русского фольклора в полиэтническом окружении // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 2. С. 175–180.
- Белоброва 2005 — Белоброва, О. А. Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. Сб. ст. М.: Индрик, 2005. 440 с.

- БЛДР 2006 — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. СПб.: Наука, 2006. 536 с.
- Голубев 1971 — Голубев, И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. 1971. Т. 26. С. 294–301.
- Добровольская 2023 — Добровольская, В. Е. Источники репертуара сказочников конца XX — начала XXI веков // Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках: Коллективная монография. М.: Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2023. С. 217–244.
- Иванов 2016 — Иванов, С. В. «Прение жемами» в европейской литературе и фольклоре // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. № 20–1. С. 320–353.
- Карнаухова 2006 — Карнаухова, И. В. Сказки и предания Северного края. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 557 с.
- Коровина 2024 — Коровина, Н. С. Коми сказочная традиция и книга // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 2. С. 36–46.
- Малэк 1988 — Малэк, Э. О происхождении и источниках «Повести бывшего посольства в Португальской земле» // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria. 1988. Т. 22. С. 7–16.
- Николаев 1987 — Николаев, С. И. Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, 1987. С. 162–167.
- Новиков 1971 — Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII вв.) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л.: Наука, 1971. 288 с.
- Ромодановская 1994 — Ромодановская, Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. 231 с.
- Спафарий 1978 — Спафарий, Н. Г. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. ст. О. А. Белобровой. Л.: Наука, 1978. 160 с.
- Урсул 1980 — Урсул, Д. Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М.: Мысль, 1980. 191 с.
- Ченцова 2019 — Ченцова, В. Г. Сивиллино «краеграние» в переводе Николая Спафария // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетий: материалы междунар. науч. конф. М.: Институт российской истории РАН, 2019. С. 164–170.
- Alberto 2012 — Alberto, P. F. La scuola in versi: gli inventori degli alfabeti nella poesia della Spagna visigotica // Il calamo della memoria V. Riuso di testi e mestiere letterario nella tarda antichità. Trieste: Edizioni Università di Trieste, 2012. P. 267–284.
- Jonge 2016 — Jonge, H. J. de. The Sibyls In The Fifteenth And Sixteenth Centuries, or Ficino, Castellio and «The Ancient Theology» // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 2016. Т. 78. № 1. P. 7–21.
- Marcos 2014 — Marcos, D. M. O projeto matrimonial de Isabel Francisca Josefa de Bragança e Vítor Amadeu II de Saboia (1675–1682): Estratégias familiares e geopolítica // Análise Social. 2014. Vol. 49. № 212. P. 598–623.

- Ordóñez 2020 — *Ordóñez, C. D. B.* Beatriz Galindo, una mujer en la corte de la reina Isabel // *Concepciones Sistemáticas y Visiones Literarias Del Derecho: Principios Del Derecho VI*. Madrid: Dykinson, 2020. P. 71–84.
- Picchio 1999 — *Picchio, R.* Arguzie ed astuzie per la mano della figlia del re di Portogallo // *Evos, Tagides minhas. Miscellanea in onore di Luciana Stegagno Picchio*. Viareggio: Baroni, 1999. P. 485–494.